

УДК 904
ББК 63.4

Е.П. Китов, А.А. Хохлов, А.О. Китова

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Республика Казахстан

**ТРАВМАТИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ НА ЧЕРЕПАХ
СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ И САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА
(НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА УТВИНКА)**

Работа посвящена свидетельствам боевого травматизма на краниологических материалах бронзового и раннего железного века на территории Западного Казахстана. Рассматриваются поражения костной ткани черепов и их возможная связь с типами ударных орудий. В ряде случаев исследованные нами травмы черепов из срубных погребений можно охарактеризовать как летальные и несовместимые с жизнью. Вероятно, это произошло в результате военного столкновения с применением оружия, к которым могут относиться булавы, топоры и молоты из камня.

В целом травматизм населения срубной культуры поздней бронзы и сарматского времени раннего железного века явление не частое. Эти показатели вполне определенно демонстрируют общую социальную ситуацию, являются важными для реконструкции процессов взаимоотношений древних обществ.

Ключевые слова: срубная культура, бронзовый век, ранний железный век, Волго-Уральский регион, Западный Казахстан, антропология, краниологический материал, травматизм, военные конфликты, ударные орудия.

E.P. Kitov, A.A. Khokhlov, A.O. Kitova

Institute of Archeology named after Margulan Almaty, Republic of Kazakhstan

**TRAUMATIC INJURIES ON THE SKULLS
OF THE SRUBNAYA CULTURE AND SARMATIAN TIME
OF WESTERN KAZAKHSTAN
(ON THE EXAMPLE OF THE UTVINKA BURIAL GROUND)**

The work gives evidence of combat injuries on craniological materials of the Bronze and Early Iron Age in the territory of Western Kazakhstan. The lesions of the bone tissue of the skulls and their possible connection with the types of impact tools are considered. In a number of cases, the injuries of skulls from the log-burials that we studied can be characterized as lethal and incompatible with life. This probably happened as a result of a military clash with the use of weapons, which may include maces, axes and hammers made of stone.

In general, the injuries of the population of the carcass culture of the Late Bronze Age and the Sarmatian time of the early Iron Age are not frequent. These indicators quite definitely demonstrate the general social situation and are important for the reconstruction of the processes of relations between ancient societies.

Key words: carcass culture, Bronze Age, Early Iron Age, Volga-Ural region, Western Kazakhstan, anthropology, craniological material, injuries, military conflicts, percussion instruments.

Курганный могильник Утвинка расположен в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области на берегу реки Урал. В течение 2009 года под руководством Мергалиева Р.С. были исследованы 4 кургана, которые дали археологический материал, датируемый эпохой бронзы – ранним железным веком. В рассматриваемом нами

кургане №2 представлены 5 погребений, соотносимых со срубной культурой и ранне-сарматским периодом [9]. В данной работе мы остановимся лишь на анализе травматических повреждений на черепах двух индивидов срубной культуры из погребения 4 и двух индивидов из погребений 1 и 5 из кургана 2. В погребальной яме 4 были разрозненные кости двух индивидов мужского пола, вероятно, вследствие ограбления могилы в древности. Погребение 1 может быть датировано широким временным промежутком раннесарматского периода, погребение 5 относится и датируется IV-III вв. до н.э. Краниометрические характеристики представлены в таблице 1, морфологические особенности представлены на рисунках 4-7.

Погребение 4, курган 2. Оба индивида характеризуются долихокранными черепными коробками, резкопрофилированными лицами с большим выступанием носа в профиль. Подобные характеристики широко представлены среди населения срубной культуры Волго-Уральского региона позднего периода эпохи бронзы [4; 5; 13]. Данные индивиды, представленные неполными посткраниальными скелетами и черепами интересны тем, что на черепах фиксируются травмы, которые, по всей видимости, привели к смерти обоих индивидов.

Индивид 1 (погребение 4, курган 2), мужчина 30-40 лет. На левой теменной кости фиксируется вдавленный компрессионный перелом, который имеет размеры по внутреннему диаметру 13х17 мм. и по внешнему диаметру 28,5х29,5 мм. Следов заживления не выявлено. Второе повреждение – сквозной перелом диаметром около 41 мм., который затронул как височную кость, так и прилегающую теменную. Оба повреждения сопровождаются компрессионными трещинами, что может говорить о значительной силе удара. Можно предположить, что индивиду 1 было нанесено два удара тупым тяжелым предметом, которые, вероятно, и привели к смерти индивида (Рис. 1)¹.

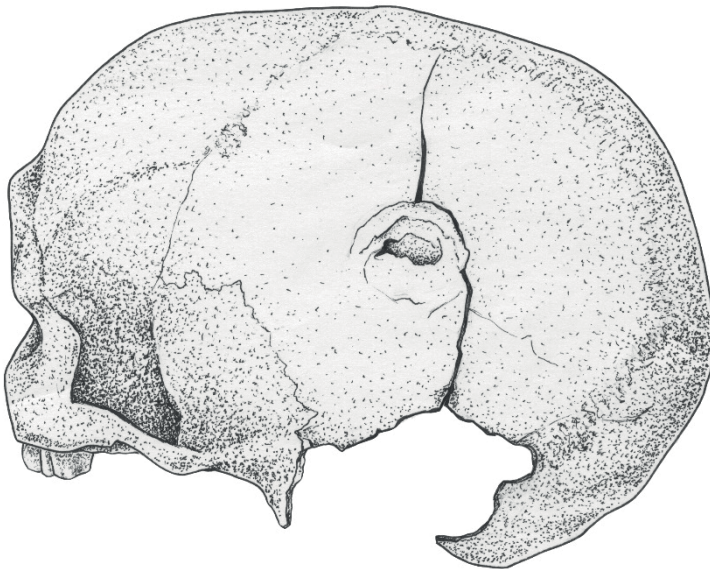

Рисунок 1. Индивид 1 из погребения 4, кургана 2

¹ Авторы выражают благодарность художнику С.С. Садыкову за иллюстрации травм на черепах из могильника Утвинка.

Индивид 2 (погребение 4, курган 2), мужчина 25-30 лет. На черепной коробке индивида фиксируется 2 прижизненных пролома черепа, которые локализируются на верхней части правой и левой теменных костей с небольшим смещением в правую сторону. Обе травмы округлой формы размерами 46x50 мм. и 32,5x15 мм. нанесены тупым предметом округлой формы, вследствие чего образовались компрессионные трещины, что свидетельствует о значительной силе удара. Травмы, по всей видимости, привели к смерти индивида (Рис.2).

Рисунок 2. Индивид 2 из погребения 4, кургана 2

Рассматривая оба описанных случая, можно отметить, что травмы у обоих мужчин близки по своим характеристикам. Они получены в ходе нанесения ударов тупым тяжелым предметом, который может быть как булавой, так и топором с широкой и плоской ударной поверхностью. Все ударные воздействия сопровождала значительная сила удара, что привело к мелким и крупным компрессионным трещинам, которые фиксируются на значительной поверхности черепной коробки. К сожалению, однозначно сказать, было ли погребение ограблено в древности или в могильную яму были сложены кости индивидов после разложения, на сегодняшний день невозможно.

Погребение 1, курган 2. Индивид мужского пола, черепная коробка характеризуется малым продольным диаметром и средней шириной, по указателю брахикранный. Лицевой отдел средневысокий, широкий на верхнем, среднеширокий по скуловой и узкий по средней ширине лица. Орбиты широкие, мезоконхные. Носовые кости узкие, высокие, в профиль выступают сильно. Нос средневысокий, узкий, лепторинный. Лицевой отдел уплощен на верхнем уровне и клиногнатный на среднем, по вертикали мезогнатный при прогнатной частью. По индивидуальным особенностям находит широкие аналогии среди раннесарматского населения бассейна реки Урал.

На правой теменной кости фиксируется сквозной проникающий пролом черепной коробки размером 15,7 x 15,4 мм (Рис.3). В случае если данный пролом был сделан при жизни индивида, то он имел летальный характер. Удар был нанесен с большой силой орудием с малой площадью соприкосновения, что привело к сквозному прободу без образования компрессионных трещин. Вероятней всего орудие, которым был пробит череп, представляет собой чекан, ударная часть которого имела в поперечном разрезе квадратную форму. По всей видимости, погребение может быть датировано финальным этапом раннесарматского периода.

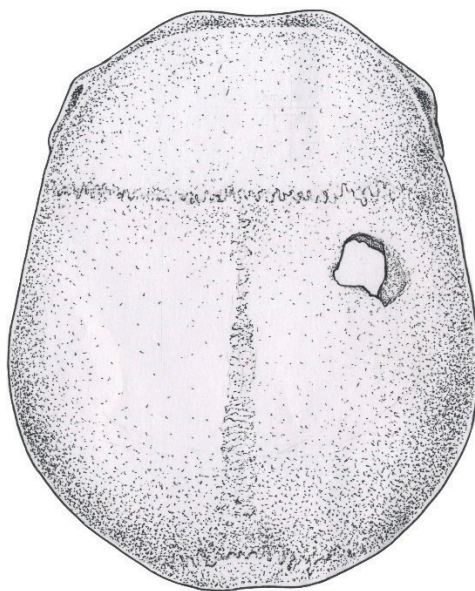

Рисунок 3. Индивид из погребения 1, кургана 2

Погребение 5, курган 2. Индивид мужского пола, черепная коробка характеризуется средним продольным диаметром и средней шириной, по указателю мезокранная. Лицевой отдел низкий, широкий на верхнем, скуловых диаметрах и узкий по средней ширине лица. Орбиты широкие, мезоконхные. Носовые кости узкие, средневысокие, в профиль выступают очень сильно. Нос средневысокий, узкий, лепторинный. Лицевой отдел имеет тенденцию к уплощению на верхнем уровне и клиногнатный на среднем, по вертикали ортогнатный при прогнатной альвеолярной частью. По индивидуальным особенностям находит широкие аналогии среди раннесарматского населения бассейна реки Урал.

Из особенностей можно отметить прижизненный перелом нижней трети носовых костей. Подобные травмы достаточно часто встречены на черепах раннесарматского периода.

Таким образом, на примере кургана 2 могильника Утвинка мы встретили уникальную ситуацию, когда у 4-х индивидов эпохи бронзы и раннего железного века оказалось возможно зафиксировать травмы, которые в 3-х случаях можно охарактеризовать как летальные и несовместимые с жизнью.

Надо отметить, что подобных свидетельств боевых столкновений для эпохи бронзы не много. Чаще уделяют внимание материалам раннего железного века и средневековья [1; 2; 6; 10], отрезкам времени, для которых первостепенную информацию о

степени социальной напряженности можно почерпнуть также из письменных источников. Для периодов каменья и начала эпохи металла такие сведения приводятся реже и, как правило, относительно локальных материалов [2; 8; 11; 12; 14; 15]. Тем не менее, по имеющимся работам отмечается возрастание боевых травм, в основном, прижизненных, частота которых возрастает от эпохи бронзы к концу раннего железного века, достигая своего пика в позднесарматский период [1; 4]. Предпринималась попытка и суммарного освещения этой тематики по материалам культур бронзового века Волго-Уралья [7; 16]. По материалам же эпохи бронзы Волго-Уральского региона фиксируется не очень много травматических повреждений у индивидов, которые могли привести к смерти индивидов в данный период времени. Но надо отметить, что наиболее низкая встречаемость травм относительно общей выборки эпохи бронзы отмечается у срубной культуры (3,1%). Интересно, что здесь, как и в раннеявное время, численно доминируют травмы носовых костей. Из образцов новых типов повреждений можно отметить округлый (27,0×29,0 мм), вдавленный перелом с несколькими оскольчатыми костными фрагментами на черепе Светлое Поле II (к.1, п.1). Это позволяет видеть возможность нанесения травмы, скорее, орудием с округлой ударной поверхностью в виде булавы, палицы или метательного камня. Все же следует признать, что, соотношение характера травмы с конкретным типом ударного орудия, даже и на примерах современной криминалистики, нередко условно, тем не менее каждая подобная находка важна. Исследователями отмечалось, что низкий процент травм недвусмысленно свидетельствует о снятии острых военных напряжений и, видимо, довольно миролюбивой обстановке в центральном ареале срубной культуры позднего бронзового века [16].

Для раннего железного века раннесарматского периода Волго-Уральского региона и Западного Казахстана летальные травмы ранее были встречены лишь в двух случаях: в могильнике Журавлиха – Самарская область и Старые Кишишки – Республика Башкирия. Оба памятника маркируют северные границы распространения сарматских племен, на которых могли случаться военные конфликты с лесостепными и лесными культурами. В целом, по данным анализа характера и встречаемости травм савромато-сарматского населения ранее был сделан вывод о мирной обстановке на территории распространения савромато-сарматских групп населения Волго-Уралья и Западного Казахстана. Соответственно, наличие боевых прижизненных травм связывалось с тем, что основная часть военных конфликтов, в которые было включено население бассейна р. Урал, проходила за пределами основной территории их кочевания. Это, в свою очередь, отвлекало часть активного военного населения этого региона и снижало уровень внутренних вооруженных конфликтов. Все эти процессы нашли отражение в особенностях травматических повреждений на костных останках населения этого региона, указывающих на сравнительно низкий процент смертности от получения боевых травм, повлекших летальный исход [6]. Индивид с травмой из погребения 1, по всей вероятности, относится к периоду, когда арридизация степной полосы привела к необходимости перемещения сарматских племен с территории бассейна реки Урал и обострению конфликтов внутри племенного союза. В то же время перелом носовых костей, который зафиксирован на черепе у индивида из погребения 5, встречается у раннесарматского населения нечасто, всего в 2,75% случаев и чаще всего у мужчин. Возможно, связаны с бытовыми конфликтами или военной специализацией, при которой переломы носа не очень редкое явление.

Рассмотренные нами погребения позволяют дополнить источниковую базу травматических повреждений у древнего населения Западного Казахстана. Так, травмы на черепях индивидов срубной культуры, возможно, могут маркировать обострение

ситуации в конкретный период времени на левом берегу реки Урал, что привело к смерти двух индивидов мужского пола, вероятно, в результате военного столкновения с применением оружия, к которым могут относиться булавы, топоры и молоты из камня. В свою очередь, летальная травма на черепе из погребения 1, датируемая, вероятно, финальным этапом раннего железного века, возможно, несет свидетельство обострения конфликтов в среде раннесарматского населения в условиях смещения сарматских племен с территории бассейна реки Урал и вероятному обострению конфликтов внутри племенного союза.

Рисунок 4. Мужской череп из погребения 1, кургана 2 могильника Утвинка

Рисунок 5. Мужской череп индивида 1 из погребения 4, кургана 2 могильника Утвинка

Рисунок 6. Мужской череп индивида 2 из погребения 4, кургана 2 могильника Утвинка

Рисунок 7. Мужской череп из погребения 5, кургана 2 могильника Утвинка

Таблица 1

**Краниометрическая характеристика мужских черепов
из кургана 2 могильника Утвинка**

Признак		Утвинка			
		к.2 п.4 ск.1	к.2 п.4 ск.2	к.2 п.1	к.2 п.5
		35-45	45-55	18-25	45-55
Линейные:					
1.	Продольный диаметр	189,0	200,0	177,0	180,0
8.	Поперечный д.	137,0	142,0	143,0	141,0
17.	Высотный д.	137,0	132,0	132,0	—
20.	Ушная высота	117,5	112,0	117,0	120,0
5.	Длина осн. черепа	105,0	106,0	97,0	—
9.	Наим. ширина лба	95,0	102,0	94,0	108,0
10.	Наиб. ширина лба	118,0	123,0	118,0	124,0
11.	Шир. осн. черепа	120,0	125,0	121,0	132,0
12.	Ширина затылка	—	—	117,0	117,0
25.	Сагитальная дуга	374,0	—	348,0	—
26.	Лобная дуга	130,0	131,0	120,0	133,0
27.	Теменная дуга	130,0	130,0	122,0	121,0
28.	Затылочная дуга	114,0	—	106,0	—
29.	Лобная хорда	116,0	117,0	118,0	107,0
30.	Теменная хорда	118,0	121,0	114,0	108,0
31.	Затылочная хорда	95,0	—	91,0	—
40.	Длина осн. лица	105,0	105,0	100,0	—
43.	Верхняя ширина лица	108,0	113,0	109,0	110,0
45.	Скуловой диаметр	131,0	137,0	132,0	137,0
46.	Средняя ширина лица	100,0	90,0	85,0	87,0
47.	Полная высота лица	116,0	—	118,0	—
48.	Верхняя высота лица	69,0	79,0	73,0	64,0
51.	Ширина орбиты	44,0	43,5	43,0	43,6
51а.	Ширина орбиты от d.	—	—	41,6	42,1
52.	Высота орбиты	30,8	33,3	33,3	33,8
54.	Ширина носа	22,5	—	23,5	24,2

55.	Высота носа	49,1	55,8	52,0	51,1
60.	Длина альвеол. дуги	58,0	58,0	58,0	—
61.	Шир. альвеол. дуги	65,0	60,0	60,0	—
62.	Длина неба	—	—	—	—
63.	Ширина неба	—	—	—	—
sc.	Симотическая ширина	9,6	—	8,0	8,1
ss.	Симотическая высота	5,9	—	5,5	6,8
mc.	Максиллофр. ширина	17,3	—	17,1	17,3
ms.	Максиллофр. высота	9,0	—	8,0	10,4
FC.	Глуб. клыковой ямки	6,5	—	5,3	6,7
Sub.NB	Высота изгиба лба	26,0	8,5	22,5	27,0
Угловые:					
32.	Наклона лба	82°	74°	81°	80°
GM/FH	Профиля лба от g.	75°	63°	78°	72°
72.	Общелицевой	84°	84°	84°	88°
73.	Среднелицевой	90°	88°	87°	91°
74.	Альвеолярной части	69°	74°	76°	74°
75(1).	Выступания носа	—	—	36°	42°
77.	Назomалярный	132°	134°	143°	135°
zm.	Зигомаксиллярный	131°	124°	122°	127°
Указатели:					
8/1.	Черепной	72,5	71,0	80,8	78,3
17/1.	Высотно-продольный	72,5	66,0	74,6	—
17/8.	Высотно-поперечный	100,0	93,0	92,3	—
20/1.	Высотно-прод. от р.	62,2	56,0	66,1	66,7
20/8.	Высотно-попер. от р.	85,8	78,9	81,8	85,1
9/8.	Лобно-поперечный	69,3	71,8	65,7	76,6
9/43.	Фронтomалярный	88,0	90,3	86,2	98,2
40/5.	Выступания лица	100,0	99,1	103,1	—
48/45.	Верхнелицевой	52,7	57,7	55,3	46,7
47/45.	Общелицевой	88,5	—	89,4	—
52/51.	Орбитный	70,0	76,6	77,4	77,5
54/55.	Носовой	45,8	—	45,2	47,4
61/60.	Альвеолярный	112,1	103,4	103,4	—
ss/sc.	Симотический	61,5	—	68,8	84,0
ms/mc.	Максиллофронтальный	52,0	—	46,8	60,1
Нижняя челюсть:					
65.	Мышечковая ширина	116,0	—	118,0	—
66.	Угловая ширина	102,0	110,0	111,0	116,0
67.	Передняя ширина	51,0	50,0	47,0	48,0
69.	Высота симфиза	33,5	38,0	35,0	—
69(1).	Высота тела	33,0	33,0	32,0	—
69(3).	Толщина тела	13,5	12,0	11,0	12,0
71a.	Наим. ширина ветви	40,0	33,0	30,0	33,0
C.	У. выст. подбородка	65°	74°	60°	—

Список литературы

1. Балабанова М.А., Перерва Е.В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 173-181.
2. Бужилова А.П. Древнее население: (Палеопатологические исследования). – Москва: Институт археологии РАН, 1995. – 198 с.
3. Китов Е. П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 521-548.
4. Китов Е.П. История изучения палеоантропологии эпохи бронзы Южного Урала и Казахстана // Древний Торгай и Великая Степь: часть и целое. Сборник, посвященный 70-летию Виктора Николаевича Логвина. – Костанай-Алматы: Костанай полиграфия. 2013. – С. 307-316.
5. Китов Е.П. Предварительное сообщение по новым краниологическим материалам из могильников срубной культуры Южного Урала (XVII УАС, г. Екатеринбург)// XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург-Сургут: изд-во «Магеллан», 2007. – С 143-144.
6. Китов Е.П., Хохлов А.А., Иванов С.С. Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика, как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии // Stratum Plus. №3. 2019. – С.169-180.
7. Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона. В: Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции. – Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 1998. – С. 31-34.
8. Медникова М. Б., Бужилова А. П. К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения. Российская археология (№2), 2002. – С.162-164
9. Мергалиев Р.С., Орынбасаров Е.Е. Утепбаев У.А. Отчет о раскопках курганных комплексов Новопавловка, Утвинка, Алгабас, Жусандый, Жанаконыс в 2009 году (Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. № 2938). – Уральск, 2010.
10. Перерва Е. В. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I вв. до н.э. с территории нижнего Поволжья и нижнего Дона. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История 5 (35), 2015. – С. 53-66.
11. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения). – Москва – Ленинград: Наука, 1960. – 400 с.
12. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966. – 69 с.
13. Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). – Самара: ГОСПУ, 2017. – 367 с.
14. Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынь I, Хвалынь II, Хлопков Бугор. // Агапов С.А. Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. – Самара: Офорт-Пресс, 2010. – С. 407-517.

15. Хохлов А.А. Ритуальные травмы на черепах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья. Этнографическое обозрение №2. – 2012. – С. 118-125.
16. Хохлов А.А., Китов Е.П. Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // StratumPlus. – 2019. – №2. – С. 267-280.